

СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

А.А. Кара-Мурза

«СЕВЕРНАЯ» ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ КАК ПРЕДМЕТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ САМОКРИТИКИ (ОТ ПЕТРА ЧААДАЕВА ДО ВАСИЛИЯ ШУЛЬГИНА)

Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии российской истории. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

В статье исследуется вопрос об эволюции философско-исторических взглядов русских интеллектуалов Петра Яковлевича Чаадаева (1794–1856) и Василия Витальевича Шульгина (1878–1976). Отмечается, что оба они во многом отходят от привычного определения цивилизационного своеобразия России в координатах «Запад–Восток» и предпочитают оперировать дихотомией «Север–Юг». Выявляя «северянскую» по преимуществу идентичность России, и Чаадаев (в девятнадцатом столетии), и Шульгин (в веке двадцатом) выступают в жанре «цивилизационной самокритики», полагая северную (нордическую) обусловленность нашей культуры не достоинством, а, напротив, своего рода кармой, крестом, который России приходится нести сквозь многовековую историю. При этом П.Я. Чаадаев концентрирует свое внимание в первую очередь на философско-исторических аспектах отечественного «северянства», определяя российский «Север» как место «застывания» западных по происхождению смыслов. В свою очередь, В.В. Шульгин фокусирует свое внимание преимущественно на формах национального самосознания и психологии, полагая отечественное «северянство» способом «охлаждения» (и в итоге – погашения) национальной энергии.

Ключевые слова: Чаадаев, Шульгин, Россия, философия, история, цивилизационная идентичность, «северянство»

Для цитирования: *Кара-Мурза А.А.* «Северная» идентичность России как предмет цивилизационной самокритики (от Петра Чаадаева до Василия Шульгина) // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 2. С. 5–16.

Тема «северянства» как фундаментальной цивилизационной матрицы России получает всё большую популярность в философской литературе¹. Апология Русского Севера – глубинной основы нашей самобытной идентичности, похоже, готова занять место казавшегося одно время перспективным

---

¹ Из последних аналитических обзоров см.: *Тюгашев Е.А., Шумахер А.Е.* Социокультурный феномен «русского северянства» // *Личность. Культура. Общество.* 2021. Т. 23. № 3 (111). С. 151–156.

отечественного неоевразийства. Между тем один из важнейших историко-философских аспектов «русского северянства» до сих пор остается вне поля зрения исследователей. Речь идет о традиции *цивилизационной самокритики*, – другими словами, не апологетического, а, наоборот, предельно критического осмысления нашего «северянства» теми русскими умами, которые полагали северную (нордическую) обусловленность нашей культуры не достоинством, а, напротив, ее неизбывной кармой, тем изнуряющим «крестом», который России приходится нести сквозь многовековую историю².

Чаадаев о Севере как о месте «застывания эманаций мысли»

У истоков цивилизационной самокритики «русского северянства» стоит, безусловно, Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856). Еще в конце 1980-х гг. относительно молодые тогда историки русской мысли Е.Б. Рашковский и В.Г. Хорос, признанные сегодня бесспорными мэтрами «цивилизационного подхода» ко всемирной истории, высказали предположение о том, что в историософии П.Я. Чаадаева «судьба России» имеет не западную, не восточную, а, скорее, «северянскую» природу: «Итак, согласно трудам Чаадаева, России свойственна какая-то особая, еще не проявленная цивилизационно-культурная специфика. Она не знает ни западных, ни восточных форм концентрации духа. Географически она – между Западом и Востоком, но культурологически – она ни Запад, ни Восток, но *скорее Север* (курсив мой. – А.К.)»³.

Есть много свидетельств, что юноша Чаадаев, сначала в своих домашних штудиях в московском особняке графов Щербатовых, а потом и в Московском университете, сформировался как классический русский западник-прогрессист, убежденный сторонник европейского Просвещения, со временем способного, как ему казалось, поднять Россию до европейских образцов цивилизации и прогресса⁴. Недаром Пушкин, подпавший в ранней юности под человеческое и интеллектуальное обаяние «офицера гусарского», признавался позднее А.О. Смирновой-Россет, что «Чаадаев хотел вдолбить мне в голову Локка»⁵.

С другой стороны, очевидно, что уже в молодости умница Чаадаев, будучи по натуре скептиком и мизантропом, задумывался о странных парадоксах исторического пути России. Вот одна из ранних записей, найденная в бумагах Чаадаева и переведенная с французского его потомком, кн. Д.И. Шаховским: «Говорят про Россию, что она не принадлежит ни к Европе,

² У отечественного апологетического евразийства, как известно, очень быстро появился свой «негативный двойник» – идея Азиопы («дурного синтеза» Востока и Запада), сформулированная в эмиграции П.Н. Милюковым и опиравшаяся на важные интуиции цивилизационной самокритики XIX в. (см.: *Кара-Мурза А.А. Улыбышев и Пушкин о «дурном синтезе цивилизаций» («Азиопа» в свете «Зеленой лампы»)* // Полилог. 2020. Т. 4. № 4. С. 3).

³ *Рашковский Е.Б., Хорос В.Г.* Проблема «Запад–Россия–Восток» в философском наследии П.Я. Чаадаева // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 132–133. Разумеется, эта плодотворная догадка тут же подверглась массивированному «обстрелу» со стороны ортодоксов истмата, апологетов линейно-стадиального (формационного) взгляда на историю. Сегодня вся эта «критика» может вызвать разве что усмешку.

⁴ См., напр.: *Каменский З.А.* Парадоксы Чаадаева (Предисловие) // *Чаадаев П.Я.* Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М., 1991. С. 10–11.

⁵ *Записки А.О. Смирновой (из записных книжек 1826–1845 гг.).* Ч. 1. СПб., 1895. С. 151.

ни к Азии, что это особый мир. Пусть будет так. Но надо еще доказать, что человечество, помимо двух сторон, определяемых словами – запад и восток, имеет еще и *третью сторону* (курсив мой. – А.К.)»⁶.

Метафорический образ этой загадочной «третьей стороны» прорисовывается в столь шумевшем первом «Философическом письме» Чаадаева, опубликованном в № 15 «Телескопа» за 1836 г.: «Раскинувшись между двух великих делений мира, между Востоком и Западом, *опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию* (курсив мой. – А.К.), мы должны бы были сочетать в себе два великих начала духовной природы – воображение и разум, и объединить в нашей цивилизации историю всего земного шара. Не эту роль предоставило нам провидение»⁷.

Эту знаменитую формулу: «*nous appuyant d'un coude sur la Chine et de l'autre sur l'Allemagne*»⁸ – несколько поколений исследователей чаадаевского наследия переводят одинаково: «опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию». Похоже, в воображении Чаадаева над евро-азиатским двусоставным (Восток–Запад) цивилизованным миром нависает нечто огромное, с головой, получается... на Севере. Но, увы, «голова» эта, согласно автору «Философических писем», либо обидно пуста («всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось», «всё течет, всё исчезает, не оставляя следов», «пережитое пропадает для нас безвозвратно»), либо набита беспорядочно («прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда», «лучшие идеи, лишённые связи и последовательности, как бесплодные заблуждения, парализуются в нашем мозгу» и т.п.)⁹.

Как известно, и русская власть, и наше тогдашнее общество были одинаково обескуражены «Философическим письмом» Чаадаева¹⁰. Ведь автор замахнулся ни много ни мало на самые сакральные российские сущности: на православную веру (об этом много написано) и на «северянскую» идентичность России, одинаково пребывавшие в национальном самосознании приоритетными предметами культовой апологетики¹¹.

Известно также, что редактор-издатель «Телескопа» Н.И. Надеждин пострадал куда больше, чем сам автор «Письма», объявленный «умалишенным», но оставленный в Москве. Надеждина задержали, переправили в Петербург, где он, водворенный в помещение штаба корпуса жандармов, начал давать показания, сочинив параллельно, по журналистской привычке, несколько «ответов Чаадаеву» – удивительные образчики апологии «русского северянства»¹².

⁶ Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 172.

⁷ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. М., 1991. С. 329.

⁸ Там же. С. 96.

⁹ Там же. С. 323, 324, 326, 328.

¹⁰ «Раздражение московского общества дошло до крайних пределов. И “молодые отчизнолюбцы”, и “старые патриоты”, и “круглые неучи”, и широко образованные люди – все “соединились в одном общем вопле проклятия и презрения” Чаадаеву» (Козмин Н.К. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб., 1912. С. 543).

¹¹ Князь В.Ф. Одоевский писал в тем дни С.П. Шевыреву: «Такое незнание струн, которых нельзя трогать!» (Из бумаг С.П. Шевырева: письма к нему разных лиц // Русский Архив. 1878. Кн. 5. С. 58).

¹² Биограф Надеждина Н.Н. Козмин писал: «Опытный диалектик, Надеждин, конечно с болью в сердце сознавал, что кривит душою, что поступает своими убеждениями, но он преследовал свою цель – стремился смягчить приговор строгих судей... Намеченная цель

Вчитаемся, к примеру, в один из начальных абзацев первого варианта «ответов Чаадаеву», где – в одном всего абзаце – «Русский Север» упоминается Надеждиным трижды (!) и в предельно апологетическом регистре. «Мы не имеем прошедшего, не имеем истории, не имеем преданий и воспоминаний!..» – цитирует опальный журналист основной тезис своего же, теперь всеми проклинаемого автора¹³.

И далее Надеждин выступает с энергичным опровержением: «Но что значит тысяча лет существования русского имени с тех пор, как Рюрик положил первый камень общественного благоустройства на отдаленнейшем севере Европы, с тех пор, как Олег двинул этот север на юг и прибил щит русский на стенах гордой столицы древнего мира, с тех пор, как равноапостольный Владимир добыл этому северу, еще юному, но уже могучему, и веру, и письменность, и искусства, и нравы? (курсив везде мой. – А.К.)»¹⁴.

Столь же апологетичен Надеждин и по отношению к новейшему «северянству». Два последних столетия, прожитые Россией «под благодатным скипетром потомков Михаила» (М.Ф. Романова. – А.К.), он называет «веками непрерывных чудес, которые отдаленнейшее потомство сочтет баснословною поэмою»: «Эти два века, записанные во всемирную историю человечества приобщением к Европе двух третей ее и половины Азии, основанием нового Царя-града на пустынных берегах Финского залива, округлением Европейского Востока в одну великую, твердую и могучую державу, избавлением и умиротворением Европейского Запада, водружением северных орлов на стенах Парижа и на хребтах Арарата? (Имеется в виду присоединение Восточной Армении к России в 1828 г., (курсив мой. – А.К.)) Это ли не история?»¹⁵

Фактически «ответы Надеждина» (их искренность, конечно, вызывает большие сомнения) являются хронологически первым в истории русской мысли выстраиванием историософской «триады»: как европейский Запад в свое время заменил азиатский Восток в качестве вместилища «духа истории», так и сам он вынужден будет вскоре уступить свою историческую роль восходящему молодому Северу (России).

«Философические письма» Чаадаева, как мы знаем, были во многом посвящены обоснованию концептуальных отличий «пути России» от «путей Запада». «В то время, когда среди борьбы между исполненным силы варварством народов Севера и возвышенной мыслью религии (“la lutte entre la barbarie énergique des peuples du Nord et la haute pensée de la religion”. – франц.) воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы? – задается вопросом Чаадаев. – По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов»¹⁶.

не была достигнута» (Козмин Н.К. Николай Иванович Надеждин. С. 549–550). Как известно, своим прямым распоряжением император Николай I отправил Надеждина на дальний Север, в забытый Богом Усть-Сысольск (Сыктывкар).

¹³ Два ответа Н.И. Надеждина Чаадаеву // Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 534.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 535.

¹⁶ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. С. 97, 331. Стоит напомнить, что на рубеже 1820–1830-х гг. «северянские» идеи, близкие чаадаевским, разделяли многие русские интеллектуалы. К примеру, А.С. Пушкин писал в 1834 г. в незаконченном отрывке «О ничтожестве литературы русской» (опубликован уже после гибели

Напротив, чаадаевская «Апология сумасшедшего», написанная автором по свежим следам скандала в связи с публикацией его «Писем» (и трактуемая большинством исследователей как попытка самооправдания), является, в свою очередь, серьезной попыткой отграничения «судьбы России» от истории стран Востока. «Мы живем на востоке Европы – пишет Чаадаев, – это верно, и тем не менее мы никогда не принадлежали к Востоку (“nous n’avons jamais fait partie de l’Orient”. – франц.). У Востока – своя история, не имеющая ничего общего с нашей»¹⁷.

В «Апологии...» Чаадаев в очередной раз декларирует «северянскую» идентичность России: «Мы просто северный народ (правильнее перевести: «северная страна». – А.К.), и по идеям, как и по климату, очень далеки от благоуханной долины Кашмира и священных берегов Ганга» («nous sommes tout simplement un pays du Nord, et par nos idées tout autant que par nos climats fort loin de la vallée parfumée de Cachemire et des rives sacrées du Gange». – франц.)¹⁸.

Конечно, оговаривается Чаадаев, «некоторые из наших областей... граничат с восточными империями», но «наши центры не там, не там наша жизнь, и они никогда там не будут, пока какое-нибудь планетное возмущение (лучше перевести буквально: «астральная революция». – А.К.) не сдвинет с места земную ось или новый катаклизм опять не бросит южные организмы в полярные льды» (“à moins que l’axe du globe ne se déplace par je ne sais quelle révolution astrale, ou qu’un cataclysme nouveau ne jette encore une fois les organisations du Midi dans les glaces du pôle”. – франц.)¹⁹.

Концовка данной чаадаевской фразы чрезвычайно важна для общего понимания «северянской» концепции автора. Фактически Чаадаев говорит о том, что русская цивилизация являет собой уникальный феномен переноса византийского варианта христианства на Север, «в полярные льды», или, выражаясь словами Пушкина, «в края оцепеневшего севера».

В этом контексте становится более понятен и смысл записей П.Я. Чаадаева, найденных в его бумагах кн. Д.И. Шаховским, точно датировать которые пока не удается. Общее направление мысли Чаадаева между тем очевидно: он сетует на то, что «безотрадное зрелище представляет у нас выдающийся ум, бьющийся между стремлением предвосхитить слишком медленное поступательное движение человечества, как это всегда представляется избранным душам, и убожеством младенческой цивилизации,

поэта): «Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха Возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благотельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера (курсив мой. – А.К.)» (Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М., 1960. С. 407).

¹⁷ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. С. 297, 531.

¹⁸ Там же. Выскажем предположение (еще требующее подкрепления), что цивилизационная самокритика П.Я. Чаадаева во многом сформировалась под влиянием тесного общения в молодые годы в России и Италии с еще одним «русским северянином», теоретиком декабризма (не вернувшимся потом в Россию) Николаем Ивановичем Тургеневым (1789–1871) (см.: Кара-Мурза А.А. «Русское северянство» Николая Тургенева (молодые годы) // Полилог. 2020. Т. 4. № 1. С. 1; Он же. Итальянское путешествие Петра Чаадаева. Ч. II: Рим – Венеция (1825) // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 125–143).

¹⁹ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1. С. 298, 531.

не затронутой еще серьезной наукой»²⁰. А причину такого положения Чаадаев видит опять-таки в «северянской» судьбе Отечества: «Из тех эманаций научной мысли, которые случайно заносит на наши отдаленные берега с Запада, сколько сбившихся с пути, сколько застывших *под ледяным дыханием севера* (курсив мой. – А.К.)»²¹.

Шульгин о Севере как о месте «охлаждения национального чувства»

Среди активных критиков «русского северянства» XX в. следует назвать Василия Витальевича Шульгина (1878–1976) – крупного русского интеллектуала и политика²². Оппонируя «северянству», Шульгин всегда считал себя «русским южанином», полагая именно родной Киев не только *историческим*, но и *стратегическим* центром «русского мира». Геополитические идеи Шульгина, как теперь окончательно выясняется, не оправдались, но критика им уязвимых моментов «русского северянства», безусловно, продолжает сохранять свою значимость и актуальность.

Мировоззренческой основой критики Шульгиным «северянства» является оригинальная концепция становления и развития русского народа. «Под словом “русский народ”, – писал Шульгин, – я не разумею одних только северян, то есть великороссов. Эти последние имеют, конечно, полное право называться русскими... но все же они имеют это право *не столь полное, как южане*. Эти последние имеют право на “русскость” *полнейшее*, ибо слово “Русь” преимущественно связано с Киевом (везде курсив мой. – А.К.)»²³. «Разумеется, – продолжает Шульгин, – я отмечаю все “украинские” рассказы, как лживый вздор, который в свое время будет ликвидирован проснувшейся гордостью южнорусского населения. Оно не позволит, чтобы его обманывали, как малого ребенка. Русским народом я считаю великороссов, малороссиян и белоруссов, а также и всех тех иных кровей российских граждан, которые подверглись процессу ассимиляции и считают себя русскими»²⁴.

Итак, согласно Шульгину, в состав «русской расы» вошло много «кровей», и «эта смесь еще не совсем превратилась в сплав»: «Амальгамирование еще идет; и вот почему русское национальное самосознание еще не очень твердо»²⁵.

Принципиальное значение в ходе этого *амальгамирования*, по мнению Шульгина, имеет природа и характер правящего слоя, который в России всегда был результатом постоянного соперничества за первенство между

²⁰ Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 106.

²¹ Там же. См. также: Жукова О.А. Творчество Чаадаева и его интерпретация в интеллектуальной культуре Серебряного века // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 1. С. 21–38; Шайтанов И.О. Географические трудности русской истории (Чаадаев и Пушкин в споре о всемирности) // Вопросы литературы. 1995. № 6. С. 160–202.

²² См.: Кара-Мурза А.А. «Вождистская» субкультура в России в поисках исторических альтернатив (В.В. Шульгин) // Философские науки. 2019. № 4. С. 20–30.

²³ Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...». Об антисемитизме в России. СПб., 1992. С. 45–46.

²⁴ Там же. С. 46.

²⁵ Там же.

северянами (московскими царями) и южанами (казацкими лидерами). Сам Шульгин, как известно, был воспитан в семье классического «южанина» – русско-казацкого профессора-националиста Дмитрия Ивановича Пихно, и его всегда привлекали образы русских вождей-южан: «Южане напоминали Государю Московскому, что древнее гнездо воссоединяемого русского народа есть Киев... И если на одну минуту задуматься над тем поразительным сходством, которое являют внешние образы Руси Киевской и Руси Запорожской (военного ордена, воевавшего с Стамбулом, как дружины Рюриковичей воевали с Византией; морских корсаров, так же ходивших по Черному морю, в тех же самых челнах, в каких “Русь” с X века терроризировала Царь-город), – то надо признать, что этого рода русскость, то есть древнюю русскость, Юг стойко хранил»²⁶. «Но эта русскость, – продолжает Шульгин, – будем называть ее южной, отличается от Московской, которую будем называть северной (курсив мой. – А.К.)»²⁷.

Согласно Шульгину, в вопросе консолидации Русского Севера и Русского Юга молодому царю Петру Алексеевичу Романову предстояло продолжить дело своего отца, царя Алексея Михайловича, «направившего Московию с пути местно-московского на путь общерусский»: «Недаром Петр Великий стремился найти новое гнездо для удвоившегося в своих возможностях народа»²⁸.

И этим «новым гнездом», конечно, уже не могла быть «тесная и провинциальная» Москва, которая в своем изоляционизме, как полагал Шульгин, отринула многие заветы «русского европеизма», историческим центром которого когда-то был Киев. Новым русским центром стал, как мы знаем, Петербург: «При помощи прозревших “москвичей” и наследственно зрячих “киевлян” он стал тем котлом, где великолепно, можно сказать “блистательно”, варилась каша из двух воссоединившихся племен русского народа»²⁹.

Некоторые историки петровского царствования справедливо полагают, что у юного Петра одно время были планы заложить новую столицу именно на Русском Юге. Еще в 1695 г. по дороге из Москвы на воронежские корабельные верфи и липецкие металлорудные заводы, на высоком берегу Ягодной Рясы, в районе сельца Слободское, по приказу царя был построен деревянный путевой дворец. А в 1702 г. (за год до основания Санкт-Петербурга) Петр, собственноручно разработав план, основал здесь крепость по голландскому образцу, которой дал название Ораниенбург, в честь своего недавно скончавшегося кумира и старшего друга – Вильгельма III Оранского. Местные богатые земли были розданы ближайшим сподвижникам – Меньшикову, Лефорту и др. Впоследствии за крепостью и выросшим городком закрепилось название Раненбург (сейчас это г. Чаплыгин Липецкой области).

Однако казус раннего петровского правления состоял в том, что, пытаясь синтезировать две части русского народа, в стремлении освободиться от пороков провинциального московского «северянства» и привить к нему варяжско-космополитическую энергию Русского Юга Петр вынужден был

²⁶ Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...». С. 91.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 91–92.

построить новую столицу... еще далее к северу. Новое «окно в Европу» было воссозданием «южного проекта», но «прорублено» оно было на Русском Севере. К осмыслению этого «петровского парадокса» Шульгин неоднократно возвращался впоследствии: он считал тот шаг Петра *вынужденным* (пробиться к теплым морям не удалось) и – в исторической перспективе – *временным*. Будущая и окончательная столица «русской расы», четвертая по счету, согласно Шульгину, будет непременно основана на юге или, возможно, на юго-востоке воссоединенной державы⁵⁰.

Заслуга Санкт-Петербурга, детища Петра Великого, согласно Шульгину, бесспорна. Южанин Шульгин, разумеется, не преминул особо отметить в этих достижениях роли «южнорусского» компонента: «Петербург поле под вишневыми садочками Полтавы превратил в ристалище, где разыгрался первый, со времен Владимира Мономаха, общерусский триумф»; «Петербург скромного хохла казака Григория Розума (будущего графа Разумовского. – А.К.) сделал супругом Императрицы Всероссийской – девицы Елисавет»; «Петербург осуществил давнюю мечту Киева “ногою твердой стать при море” – при теплом, южном, Черном море, с IX века называемого “русским”»; «Петербург бросил южнорусское казачество, хранившее варяжские традиции, на новые подвиги, показав ему ручкой Императрицы Екатерины II (ручкой, которую кузнец Вакула почитал не иначе, как сахарной) подножие Кавказа, именуемое Кубань»; «Петербург выковал новый русский язык, который был не московский и не киевский; который проходил выше того и другого, но стоял на этих двух местноречиях, как голова, вместилище развившегося разума, стоит на двух ногах»⁵¹ и т.п.

В итоге «Петербург, из двух русских племен, варил сладкий мед, который обещал досыта накормить пищей животной и духовной огромные пространства Русской Империи. Возможности, отсюда проистекавшие, не давали жить соседям; и потому сначала шведы, потом поляки и, наконец, немцы поспешили в этот кипящий мед подбросить ложку дегтя, которая испортила бочку. Этим дегтем была украинская идея»⁵².

Именно «украинская идея» («идея распри, раздора, идея бифуркации единых русских крови, языка и культуры») сдерживала и будет сдерживать, согласно Шульгину, «сваривание южно- и северно-русских особенностей в единый русский тип»⁵³. Однако, по мнению Шульгина, «украинская идея, то есть утверждение, что южно-русский народ – не русский, долго не выдержит... Самолюбие проснувшегося южно-русского народа не позволит, чтобы ему морочили голову польско-немецкими сказками, принимая его за дурачка-непомнящего»⁵⁴.

Однако у петербургской России (Шульгин предпочитал употреблять более «южное», на греческий манер, слово *Петрополь*) есть и другая проблема, связанная с «заражением» империи (синтетической по замыслу) «северянскими» атавизмами старой Московии и постепенной утратой «южной»

⁵⁰ См.: *Бабков Д.И.* Проблемы территориальной реорганизации России в постреволюционное время в мировоззрении В.В. Шульгина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Т. 16. Вып. 19 (90). С. 180.

⁵¹ *Шульгин В.В.* «Что нам в них не нравится...». С. 92.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 93.

⁵⁴ Там же.

энергии. Имперское продвижение на север и восток сопровождалось ослаблением русского национального чувства: «Национализм почти совершенно исчезает в Сибири, пока не утыкается в Японию, которая является огромным аккумулятором национальной энергии»³⁵.

«Северянская» часть России, по мнению Шульгина, «никогда не знала внутренней национальной борьбы и потому оказалась совершенно неустойчивой в этих вопросах и очень легко поддающейся, подавляемой всяким чужим национализмом. Как это не звучит дико и странно, но в период, предшествовавший катастрофе в России, самым денационализированным элементом были сами русские (главным образом великороссы). Поэтому вопросы взаимного сожительства национальностей, их взаимоотношений, их борьбы, сознательной, а главным образом бессознательной, совершенно не входили в поле зрения нашей *северной московско-петроградской политической школы*»³⁶.

Шульгин утверждал, что «северная русская интеллигенция к концу XIX в. совершенно утратила русский национализм»: «Это сказалось с поразительной ясностью в Японскую войну, когда пораженчество... было весьма распространенным явлением в Москве и Петрограде. Вследствие этих своих качеств *северная русская интеллигенция* страшно легко подпала под еврейское влияние (курсив везде мой. – А.К.)»³⁷. Очная встреча с совершенно утратившим свою национальную энергию Петербургом была для южанина Шульгина (представлявшего в Государственной думе дворянство Волынской губернии) тяжелым потрясением.

Между тем в начале XX столетия у России, согласно Шульгину, появился шанс на оздоровление. «Нашелся Столыпин» – представитель, несомненно, «южной», энергичной русскости. «Столыпин, – писал Шульгин, – по взглядам был либерал-постепеновец; по чувствам – националист благородной, “пушкинской”, складки; по дарованиям и темпераменту – природный “верховный главнокомандующий”, хотя он и не носил генеральских погон»³⁸. Но он, по словам Шульгина, заплатил своей жизнью за то, что он победил революцию, а еще за то, что «указал путь для эволюции»: «Выстрел из револьвера в Киеве – увы, нашем Киеве, всегда бывшем его лучшей опорой, – закончил столыпинскую эпоху... Печерская лавра приняла пробитое пулей Богрова тело...»³⁹.

Катастрофа Первой мировой войны, по мнению Шульгина, окончательно обнажила слабые места империи, все более тяготеющей к изоляционистскому «северянству», лишенному творческой энергии и «национального иммунитета». Фатальной ошибкой русского правительства стало то, что страна оказалась *одновременно* вовлеченной в конфликт с двумя мощнейшими мировыми силами: «милитаристским германизмом» с его склонностью к военной экспансии и «революционным еврейством», разьедавшим Россию изнутри.

После революции В.В. Шульгин принял активное участие в Белом движении: в 1919 г. его особенно вдохновило наступление на «северянскую» Москву «южных добровольцев» генерала А.И. Деникина («царя Антона»):

³⁵ Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. М., 2012. С. 226.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 227.

³⁸ Там же. С. 48.

³⁹ Шульгин В.В. Дни. 1920 год. М., 2017. С. 54–55.

был момент, когда «северный дуумвират» Ленина и Троцкого отдал распоряжение эвакуировать большевистское правительство дальше на север, в Вологду. Крах Южного похода белых стал для «южанина» Шульгина личной трагедией.

Гражданская война в России, по мнению Шульгина, продемонстрировала одну закономерность: «Обе половинки России, Северная и Южная, отвергли коллектив и перешли: Южная – к единоличной диктатуре генералов... а Северная – к двуличной диктатуре двух дворян: одного симбирского (читай: Ленина. – А.К.), а другого иерусалимского (Троцкого. – А.К.)»⁴⁰.

В этой борьбе двух диктатур красные выиграли, согласно Шульгину, потому, что, делая ранее ставку на анархию, теперь превратились в настоящих «государственников» и не только восстановили могущество России в ее «естественных границах», но и фактически подготовили приход нового «самодержца всероссийского»: «Он будет истинно красным по волевой силе и истинно белым по задачам, им преследуемым. Он будет большевик по энергии и националист по убеждениям...»⁴¹.

Именно так, полагал Шульгин, будет, наконец, воссоздано задуманное Петром Великим *национальное тело России* – единство Русского Севера и Русского Юга.

Список литературы

- Бабков Д.И. Проблемы территориальной реорганизации России в постреволюционное время в мировоззрении В.В. Шульгина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Т. 16. Вып. 19 (90). С. 173–181.
- Жукова О.А. Творчество Чаадаева и его интерпретация в интеллектуальной культуре Серебряного века // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 1. С. 21–38.
- Записки А.О. Смирновой (из записных книжек 1826–1845 гг.). Ч. 1. СПб.: Северный вестник, 1895. 342 с.
- Из бумаг С.П. Шевырева: письма к нему разных лиц // Русский Архив. 1878. Кн. 5. С. 47–87.
- Кара-Мурза А.А. «Вождистская» субкультура в России в поисках исторических альтернатив (В.В. Шульгин) // Философские науки. 2019. № 4. С. 7–24.
- Кара-Мурза А.А. Итальянское путешествие Петра Чаадаева. Ч. II: Рим – Венеция (1825) // Философские науки. 2019. Т. 62. № 11. С. 125–143.
- Кара-Мурза А.А. «Русское северянство» Николая Тургенева (молодые годы) // Полилог. 2020. Т. 4. № 1. С. 1.
- Кара-Мурза А.А. Улыбышев и Пушкин о «дурном синтезе цивилизаций» («Азиопа» в свете «Зеленой лампы») // Полилог. 2020. Т. 4. № 4. С. 3.
- Козмин Н.К. Николай Иванович Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1912. 561 с.
- Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1960. С. 407–414.
- Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Проблема «Запад–Россия–Восток» в философском наследии П.Я. Чаадаева // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука, 1988. С. 110–142.

⁴⁰ Шульгин В.В. Дни. 1920 год. С. 403.

⁴¹ Шульгин В.В. Россия, Украина, Европа: избранные работы. М., 2015. С. 113.

- Тюгаишев Е.А., Шумахер А.Е. Социокультурный феномен «русского северянства» // Личность. Культура. Общество. 2021. Т. 23. № 3 (111). С. 151–156.
- Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919–1939 гг. / Ред. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2012. 439 с.
- Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 1 / Отв. ред. З.А. Каменский. М.: Наука, 1991. 800 с.
- Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Правда, 1989. 655 с.
- Шайтанов И.О. Географические трудности русской истории (Чаадаев и Пушкин в споре о всемирности) // Вопросы литературы. 1995. № 6. С. 160–202.
- Шульгин В.В. Дни. 1920 год. М.: Прозаик, 2017. 413 с.
- Шульгин В.В. Россия, Украина, Европа: избранные работы. М.: Посев, 2015. 416 с.
- Шульгин В.В. «Что нам в них не нравится...». Об антисемитизме в России. СПб.: Хорс, 1992. 286 с.

The “Northern” identity of Russia as a subject of civilizational self-criticism (from Pyotr Chaadaev to Vasily Shulgin)

Alexei A. Kara-Murza

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: a-kara-murza@yandex.ru

The article examines the question of the evolution of the philosophical and historical views of Russian intellectuals Pyotr Yakovlevich Chaadaev (1794–1856) and Vasily Vitalievich Shulgin (1878–1976). It is noted that both of them largely depart from the usual definition of the civilizational identity of Russia in the coordinates “West-East” and prefer to operate with the dichotomy “North-South”. Revealing the “Northern” identity of Russia, primarily, both Chaadaev (in the nineteenth century) and Shulgin (in the twentieth century) act in the genre of civilizational self-criticism, believing the northern (Nordic) conditionality of our culture is not a dignity, but, on the contrary, a kind of “karma”, a “Cross” that Russia has to carry through centuries of history. P.Ya. Chaadaev focuses his attention primarily on the philosophical and historical aspects of the domestic “Northerners”, defining the Russian North as a place of “solidification” of Western-origin “meanings”. In turn, V.V. Shulgin focuses his attention mainly on the forms of national identity and psychology, considering the domestic “Northerners” as a way of “cooling” (and eventually – extinguishing) the national energy.

Keywords: Chaadaev, Shulgin, Russia, philosophy, history, civilizational identity, “Northerners”

For citation: Kara-Murza, A.A. “‘Severnaya’ identichnost’ Rossii kak predmet tsivilizatsionnoi samokritiki (ot Petra Chaadaeva do Vasiliya Shul’gina)” [The ‘Northern’ identity of Russia as a subject of civilizational self-criticism (from Pyotr Chaadaev to Vasily Shulgin)], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 2, pp. 5–16. (In Russian)

References

- Babkov, D.I. “Problemy territorial’noi reorganizatsii Rossii v postrevolyutsionnoe vremya v mirovozzrenii V.V. Shul’gina” [Problems of territorial reorganization of Russia in the post-revolutionary time in the worldview of V.V. Shulgin], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 2010, Vol. 16, Issue 19 (90), pp. 173–181. (In Russian)

- Budnitskii, O.V. (ed.) *Spor o Rossii: V.A. Maklakov – V.V. Shul'gin. Perepiska 1919–1939 gg.* [Dispute about Russia: V.A. Maklakov – V.V. Shulgin. Correspondence of 1919–1939]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012. 439 pp. (In Russian)
- Chaadaev, P.Ya. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma* [Complete works and selected letters], Vol. 1, ed. by Z.A. Kamenskii. Moscow: Nauka Publ., 1991. 800 pp. (In Russian)
- Chaadaev, P.Ya. *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Pravda Publ., 1989. 655 pp. (In Russian)
- “*Iz bumag S.P. Shevyreva: pis'ma k nemu raznykh lits*” [From the papers of S.P. Shevyrev: letters to him from various persons], *Russkii Arkhiv*, 1878, Vol. 5, pp. 47–87. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. “Russkoe severyanstvo’ Nikolaya Turgeneva (molodye gody)” [‘Russian Northerners’ by Nikolai Turgenev (young years)], *Polilog*, 2020, Vol. 4, No. 1, p. 1. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. “‘Vozhdistskaya’ subkul'tura v Rossii v poiskakh istoricheskikh al'ternativ (V.V. Shul'gin)” [The ‘Chief’ subculture in Russia in search of historical alternatives (V.V. Shulgin)], *Filosofskie nauki*, 2019, No. 4, pp. 7–24. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. “Ital'yanskoe puteshestvie Petra Chaadaeva. Chast' II: Rim – Venetsiya (1825)” [The Italian journey of Peter Chaadaev. Part II: Rome – Venice (1825)], *Filosofskie nauki*, 2019, Vol. 62, No. 11, pp. 125–143. (In Russian)
- Kara-Murza, A.A. “Ulybyshev i Pushkin o ‘durnom sinteze tsivilizatsii’ (‘Aziopa’ v svete ‘Zelenoi lampy’)” [Ulybyshev and Pushkin on the ‘bad synthesis of civilizations’ (‘Asiopa’ in the light of the ‘Green Lamp’)], *Polilog*, 2020, Vol. 4, No. 4, p. 3. (In Russian)
- Kozmin, N.K. *Nikolai Ivanovich Nadezhdin. Zhizn' i nauchno-literaturnaya deyatel'nost'. 1804–1836* [Nikolai Ivanovich Nadezhdin. Life and scientific and literary activity. 1804–1836]. St. Petersburg: M.A. Aleksandrov Publ., 1912. 561 pp. (In Russian)
- Pushkin, A.S. “O nitchtozhestve literatury russkoi” [About the insignificance of Russian literature], in: A.S. Pushkin, *Sobranie sochinenii* [Collected papers], Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ., 1960, pp. 407–414. (In Russian)
- Rashkovskii, E.B. & Khoros, V.G. “Problema ‘Zapad-Rossiya-Vostok’ v filosofskom nasledii P.Ya. Chaadaeva” [The problem of ‘West-Russia-East’ in the philosophical heritage of P.Ya. Chaadaev], *Vostok – Zapad: Issledovaniya. Perevody. Publikatsii* [East – West: Research. Transfers]. Moscow: Nauka Publ., 1988, pp. 110–142. (In Russian)
- Shaitanov, I.O. “Geograficheskie trudnosti russkoi istorii (Chaadaev i Pushkin v spore o vseмирности)” [Geographical difficulties of Russian history (Chaadaev and Pushkin in the dispute about the universality)], *Voprosy literatury*, 1995, No. 6, pp. 160–202. (In Russian)
- Shul'gin, V.V. “*Chto nam v nikh ne nraivitsya...? Ob antisemitizme v Rossii*” [‘What we don’t like about them...’ About anti-Semitism in Russia]. St. Petersburg: Khors Publ., 1992. 286 pp. (In Russian)
- Shul'gin, V.V. *Dni. 1920 god* [Days. 1920]. Moscow: Prozaik Publ., 2017. 413 pp. (In Russian)
- Shul'gin, V.V. *Rossiya, Ukraina, Evropa: izbrannye raboty* [Russia, Ukraine, Europe: selected works]. Moscow: Posev Publ., 2015. 416 pp. (In Russian)
- Smirnova, A.O. *Zapiski (iz zapisnykh knizhek 1826–1845 gg.)* [Notes (from notebooks of 1826–1845)], Pt. 1. St. Petersburg: Severnyi vestnik Publ., 1895. 342 pp. (In Russian)
- Tyugashev, E.A. & Shumakher, A.E. “Sotsiokul'turnyi fenomen ‘russkogo severyanstva’” [The socio-cultural phenomenon of the ‘Russian Northerners’], *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*, 2021, Vol. 23, No. 3 (111), pp. 151–156. (In Russian)
- Zhukova, O.A. “Tvorchestvo Chaadaeva i ego interpretatsiya v intellektual'noi kul'ture Serebryanogo veka” [Chaadaev’s creativity and its interpretation in the intellectual culture of the Silver Age], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 1, pp. 21–38. (In Russian)